

НАМ РУССКИЕ ПЕСНИ С РОЖДЕНИЯ ПЕЛИ

На протяжении пяти фестивальных дней заседало международное жюри. Но, кроме него, ежедневно ставил свои оценки исполнителям самый строгий и главный судья — зритель. Эти анкеты стекались в оргкомитет фестиваля, звучали как эхо волнений, радостей, приветствий.

Среди слов одобрения, благодарности, восторга было много поздравлений в адрес советской певицы Галины Ненашевой. «Пой, Галя, «Россию»! Лауреат Ленинской премии В. Никонов», «Успеха Ненашевой! Рыбаки Каспия В. Мирнов, С. Ковалев». «Уважаемая Галина! Вы подарили нам столько добрых минут, что мы их никогда не забудем. Пилоты гражданской авиации».

Так кто же она, лауреат III международного фестиваля молодежной политической песни, так полюбовавшаяся сочинцам и гостям города-курорта? О ней мы сегодня хотим рассказать читателям.

Есть под Челябинском городок Чебаркуль. Здесь жила и росла маленькая девочка-певунья Галя Семененко. Бывало, откроет окно своей комнаты и поет на всю улицу, да так хорошо и раздольно, что невольно останавливаются соседи и прохожие, чтобы послушать звонкую ее песню.

— Спой еще, Галочка...—просили ее. И она пела без отказа про все, что видела и слышала. Особенно по душе ей был репертуар Клавдии Шульженко, которая так искусно умела рассказать в песне и о маленьком скромном платочке, и о южном фронте с весенней оттепелью под Ростовом, и о смелом пулеметчике.

Жилось девочке нелегко. Мать много болела, и уже после восьмого класса Гале пришлось идти учиться на швею. Сидит, бывало, с иголкой в руках и поет-поет свои песни, какие-то очень русские, близкие сердцу подруг.

Старшие говорили:

— Учиться тебе надо, Галя...

Она и сама понимала, что надо, но без десятилетки куда пойдешь? Бегала в вечернюю школу, зубрила математику, физику, но никогда не забывала про песню. Выкраивала редкие вечера, пела в рабочем клубе—всегда с успехом. Чувствовала, что без песни ей не прожить, что песня эта полезна и нужна людям, раз так внимательно слушают ее товарищи, если замирает зал, слушая ее напев про туманное утро, про лихое ямщика.

В наше время искусство черпает таланты из народа. Это не фраза, не декларация, это — действительность. Иначе бы как могло случиться, чтобы простая русская девочка могла сразу попасть в хор такого уважаемого оперного театра, как театр в Челябинске? И не по какой-либо высокой рекомендации или дружеской просьбе, а просто так—пришла и попросила ее послушать.

— Вы кто? — спросил ее хормейстер Юрий Борисов.

— Я?... — смутилась девушка, — Галя Семененко...

— Этого мало,—улыбнулся тот,—я хочу знать: кончили консерваторию, училище?

— Нет... Пела в рабочем клубе...

— И все?... Но ведь у нас—оперный театр.

Галя все понимала сама, но, умоляюще глядя на строгого хормейстера, попросила:

— А вы меня послушайте... Я большего не прошу...

И ее послушали в тот же день и просто сказали:

— Будете петь в хоре.

Это был первый шаг в искусство. Огни рампы, звуки оркестра буквально завораживали Галю. Она готова была петь все время, повторять без конца любые оперные партии. Цепкая музыкальная память помогла ей чуть раньше других улавливать советы учителей, которые всегда внимательно относились к ее таланту, терпеливо ставили голос, приучали любить серьезную музыку.

Театр открыл перед Галей новые творческие горизонты. Она начала понимать, что оперный певец, даже хорист, должен обладать чувством высокого артистизма, что просто петь, то есть воспроизводить музыку и слова—мало. Нужно чувствовать зал, жить с ним одной мыслью, одним стремлением. Как бы хорошо ни звучал голос, но если за ним нет души, зритель останется равнодушен.

И Галя решила навестить то, чего она не получила в студии или консерватории. Она пошла работать в драматический театр имени Горького и так увлеклась им, что уже подумывала оставить песню, окончательно стать драматической актрисой. Тем более, что и здесь ею были довольны и она с успехом выступала во многих ролях, в том числе и в роли Ванды в спектакле «День рождения Терезы».

Бросить песню? Навсегда? Не сможет ли она? Будет ли полной ее актерская жизнь? С кем посоветоваться? И она решила поехать в Москву, тем более в ту пору ор-

кестр Олега Лундстрема объявил конкурс певцов.

Столица... Как встретит она скромную девушку с далекого Урала? Ведь здесь и без нее много способных певцов. Но Галя решилась — и выдержала испытание. Ее взяли в гастроль с эстрадным оркестром Лундстрема. Замелькали города и сценические площадки. Она пела и пела, про то, как течет Волга, про русские степи и леса, про все, что так дорого и близко ей. И зрители отвечали молодой певице благодарностью, шквалом аплодисментов. Нет, от песни ей теперь не уйти, как не жаль театр, любимые роли.

Так устроена жизнь актера, что он всегда в пути в буквальном и переносном смысле слова. Чебаркуль сменился Челябинском, Челябинск—Тамбовом, а Тамбов, совсем недавно, Московским мюзик-холлом. Это была хорошая школа, трудный человеческий экзамен. Молодого столичного актера всегда поддерживает славная марка его театра или студии. Всегда ему сопутствует успех, если москвич приезжает в Тамбов. Ну, а если тамбовец—в Москву?... Тут дело посложнее. Надо завоевывать авторитет своим талантом, отдавать всего себя сцене, не уповав ни на кого.

Шесть лет проработала Галина в тамбовском Госконцерте. Занималась в студии эстрадного искусства и пела, пела, пела...

И вот теперь—Московский мюзик-холл, выступления на радио, телевидении. Кажется, почти все уже сделано, но неожиданно телеграмма: «Вылетайте Сочи международный фестиваль песни. ЦК ВЛКСМ».

Мы сидим с Галиной Ненашевой

под сводами Сочинского театра. Вчера состоялся первый концерт на стадионе, а сегодня уже торжественное открытие фестиваля. Только что Юрий Васильевич Силантьев «прошел» с ней обе ее песни. Еще не прошло волнение от первой встречи с замечательным оркестром. Галя хотела быть сдержанной, побережь голос до вечера, но не выдержала и запела так, как будто перед ней был не темный зал с пустыми креслами, а публика, много публики, для которой ей хотелось петь.

— Что ж, бывает, репетирует человек в полголоса. А я так не могу,—рассказывает Галя. — Вчера на стадионе вроде бы и зала нет, и кругом небо, простор, а я пою свою «Россию» и чувствую: льются слезы. Смешно? Нет! Я уж себе говорю: держись, пой спокойнее, а не могу. И так почти каждый раз. Забываю обо всем—и передо мной песня, огромная в своей красе. Она заполняет сердце, я вижу и русские нивы, и косые дожди, и березы, и того солдата, что завещал нам любить и беречь Россию. Как же тут петь, как иные выражаются, профессионально? Наша профессия—это чувства.

Галя задумывается на минуту, решая—сказать или не сказать, а потом произносит:

— Знаете, была у меня одна любимая певица,—она называет знакомое имя,—ее исполнение всегда приводило меня в восторг. А вот недавно услышала — и словно что оборвалось, умерло во мне. Поет, а я ее не чувствую, звуки проходят мимо, отталкиваются, не находя сочувствия в моем сердце. Каким-то холодком веет от нее, безразличием. Неужели потеряно

главное? Неужели сцена не волнует ее? Разве так можно?

Я видел, как искренне огорчена Галя этой потерей, как всем сердцем она осуждает холодный профессионализм, и думал, что ей чуждо все это. Вышедшая из народной среды, она только силой своих способностей подошла к этому новому рубежу и постарается пройти его достойно.

Тем, кто был эти дни в Сочинском театре, кто слушал Галину Ненашеву по радио и видел по телевидению, запомнятся ее исполнение, ее песни. Недаром каждая из них бисировалась... А Галя выходила на вызовы публики и улыбалась чуть смущенной улыбкой. Ее счастье было в том, что свой успех она не воспринимала, как должное, а все время думала, как спеть лучше, ибо никакая репетиция не может сравниться с такой вот трудной, но прекрасной встречей с теми, кому она посвятила свое искусство.

И. БОРИСОВ.

